

Журавлевы, эксплуататоры большой руки

ИСТОРИЯ

кого количества краеведов, в Рыбинске, нет ни в одном городе нашей губернии. Очевидно, Алексей Золотарев, создавший здесь музей, архив и библиотеку и проводивший ежегодные краеведческие съезды, сделал известной интеллигенции такую сильную прививку любви к родной истории, что действие ее ощущается и теперь. Рыбинск не перестает поражать нас невероятными открытиями: находят земляков среди основателей Голливуда, и поменяют на пять столетий дату основания своего города.

Много любопытных архивных находок и на счету историка-краеведа Нины Александровны Петуховой. Школьного учителя истории всегда интересовала жизнь родного края. Из этого интереса родилась ее вторая профессия — экскурсовод, а потом и третья — сотрудник архива. Рыбинск она знала досконально, все старые дома для нее были не только номера, но и фамилии — дом Тюменева, дом Турдина, дом Журавлева. Она «оживила» образы многих рыбинских купцов. Из ходячих плетых, румяных мужиков они превратились в обычных людей, с их достоинствами и слабостями, удачами и несчастьями.

Для нас, привыкших со школьной скамьи делить всех на «белых» и «красных», «наших» и «не наших», ее исследования стали настоящими откровениями. Факты жизни людей, оставшихся в наследство потомкам красивый волжский город, никак не вписывались в прокрустово ложе типичных представлений о своем прошлом. История самого богатого купеческого рода Рыбинска — Журавлевых, которую ей удалось собрать по слухам, сложить в рассказ, могла войти в новые школьные учебники как ярчайший пример расцвета и развития российского предпринимательства и его жестокого, бездумного уничтожения.

В 1797 году двадцатилетний посадский Михаил Журавлев купил в гостином дворе место для постройки лотка. Торговля хлебом приносила хороший доход, и через несколько лет он приобрел еще один земельный надел в Рыбинске — под каменный дом. В городе его уважали, собирали в бургомистры, трижды становился он городским головой. В числе ответственных за строительство Спасо-Преображенского собора — тоже Журавлев, да с какой характеристикой: «Евностной к делу, подвижник, способнейший человек». В 50 лет Михаил Иванович овдовел и больше не женился, воспитывал и работал. Жену пережил на 10 лет, причина его ранней смерти — в 57 лет — осталась неизвестной. Все имущество, а нажил он своим трудом два каменных дома, лавку в торговом ряду, пустопорожние земли на Шексне и слуге, да три миллиона рублей оставил детям. В завещании сыновьям Павлу и Николаю приказал все дела вести вместе, что и исполнили.

Братья начали предпринимательскую деятельность с покупки трех домов и мельницы. Если дома и лавки покупали в Рыбинске, то земли — по всей России. В 1839 году стали купцами первой гильдии. А значительно увеличить капитал помогла деловая смекалка. В середине XIX века открылось движение судов по Волге. Неподалеку от города, в селе Абакумове, братья построили прядильно-канатную фабрику. Канаты разных сортов и размеров на складе не залежались — спрос на них был огромный. По объему производства и качеству выделки канатов журавлевская фабрика не имела равных в Европе.

Абакумово из грязного, болотистого местечка, заваленного мусором и щепой от строительства лодок, превратилось в чистый, аккуратный городок. В 1846 году первым его строением была зимовка для приказчиков и рабочих, а спустя двадцать лет на берегу Волги стояло уже больше сотни небольших каменных и деревянных зданий. Склады, конный завод, лесопилка, чугунолитейный, механический, судостроительный заводы, гавань, жилые дома для рабочих — таким стало Абакумово.

Вместо старой, толпой дороги, соединявшей село с городом, по которой раньше приходилось больше толкать повозку, чем ехать, проложили шоссе, плотно утрамбованное щебнем. Но теперь ездить в Рыбинск местным жителям большой нужды не было. В фабричном городке предусмотрели все необходимое. В лавке можно было купить любой товар — бакалейный и красный, причем выбор его был сделан с большим знанием потребностей работников фабрики. Все повседневное и даже предметы роскоши здесь были дешевле, чем в Рыбинске. Сюда приезжали за недорогими вещами не только из соседних сел, но и из города. Торговля шла под строгим наблюдением самого хозяина.

На фабрике у Николая Михайловича работало около 400 человек. Управляющий имел жалованье 2000 рублей в год, такая же зарплата была и у канатного мастера. Рабочие получали по 17 руб. 50 коп. в месяц. Пуд муки высшего сорта в то время стоил 2 руб. 50 коп. Вели в Абакумове и свое хозяйство — собирали хорошие урожаи зерновых, на молочной ферме держали коров швейцарской породы, снабжали население фабричного городка молоком, творогом, маслом.

Николай Михайлович вникал во все проблемы местной жизни, любил сам приобщить рабочих, а иногда и «Дубинушку» с ними спеть. Очень ценил трудолюбивых, квалифицированных, как говорят теперь — профессионалов. Сам заключил договор с печником из Московской губернии Андреем Петровым, положив ему жалованье в 450 рублей, полностью взяв его на содержание — с питанием и квартирой. Отпуск тоже оговаривался — две недели. Зарплата каждый год повышалась. Печник этот проработал у Журавлевых больше 20 лет, строил печи не только в их рыбинских домах, но и в Москве, Нижнем, Казани.

Оценить труженика может лишь тот, кто умеет работать сам. Журавлев был великим тружеником, кроме непрекращающегося строительства в Абакумове, управления большим и

сложным производством он еще служил директором коммерческого банка. Синод и император награждали его как за службу, так и за благотворительность. Крупный капитал пожертвовал Журавлев на строительство дома для девиц духовного звания в Ярославле. В личной жизни он во многом повторил судьбу отца: овдовел в 32 года, остался с тремя маленькими детьми на руках. Как и отец, жениль-

дить это в своем домашнем кругу, стал бы возвышаться в нравственном своем отношении».

«В Копенгаген приехали утром, город мне очень понравился своей чистотой. Строения все старинные, улочки узенькие, но содержатся опрятно. Был в театре, там не было ни одного порядочного человека, всякий делал, что хотел, кто кричал, кто свистел, грызли орехи, пили вино, партер перекинулся с

новали торговый дом, следуя желанию отца не делить капитал. Вместе управляли всем большим хозяйством, разделили капитал в шесть с половиной миллионов рублей только через 22 года. Опись имущества, которое отошло Михаилу Николаевичу, занимала пять листов, исписанных мелким почерком с двух сторон. Рыбинские владения перешли к нему. Журавлев расширил и усовершенствовал все производство, увеличив на них выпуск продукции. Особенно хорошо пошла дела на судостроительном заводе, заказы он получал отовсюду и самые разные. Хозяином Михаил Николаевич был прекрасным, мало кого так любили рабочие и служащие. В поздравительных адресах на 25-летие его службы рабочие канатной фабрики писали: «...Многие нас следники, получив капиталы, или их быстро прожитают, или живут только на проценты в свое удовольствие, не деляя никакой пользы ни родине, ни народу. Вы же, дорогой наш Хозяин, не зарыли в землю Богом данный талант, а проинкнутые отеческой заботой о наших братьях, дали возможность кормиться тысячам наших семей. Теперь мы молились Богу, благодаря его за сохранение Вас в продолжении 25 лет... Пусть его светлая сила сохранит Вас от всех зол на Вашем жизненном пути...»

Более ста подписей стоит под этим поздравлением — от прядильщиков, от канатчиков, от больницы, от фермы и т. д.

На 50-летие канатной фабрики рабочие подарили Журавлеву икону Николая Чудотворца, сопроводив свой дар теплыми словами: «...Мы гордимся тем, что на нашу долю выпала честь работать на такой фабрике под Вашим управлением... Вашу энергию не сломили два грандиозных пожара, уничтожившие фабрику до основания. Вы не оставили без работы честных тружеников, а дали возможность снова взяться за свой любимый привычный труд. Такое доброе отношение к рабочему люду не забывается, и мы все единодушно от чистого сердца выражаем Вам глубокое уважение и благодарим за Вашу заботу о нас».

Кроме забот о фабрике Михаил Николаевич нес на своих плечах и тяжелый груз забот о бирже. 33 года он служил председателем Рыбинского биржевого комитета. В городе благодаря его усилиям построили бесплатную больницу для судебных рабочих, открыли коммерческое училище. Журавлева избирали почетным членом во всевозможные комиссии — его поддержка ценилась дорого, а слово имело большой вес. Какие только чины и звания ему не присуждали! Не обольсти стороной его и правительственные награды. А вот когда Журавлев подал прошение о внесении своей семьи в дво-

рянскую родословную по Ярославской губернии, сенат считал это невозможным, так как служба в должности председателя биржевого комитета тогда не считалась государственной. Обиделся Михаил Николаевич и от должности отказался.

Имя Журавлева знала вся деловая Россия, его уважали и ценили. Вероятно, был он человеком азартным и амбициозным. Известен случай, когда на Нижегородской ярмарке он устроил торг с Саввой Морозовым. Оба они затевали званый ужин, оба приглашали на одно время цыганский хор. Начали торговаться, на сумме сто тысяч рублей Савва Морозов уступил. Наутро газета, описав этот случай, сделала заключение: «Победил гордый рыбинец».

Хотя в дворянское звание талантливому купцу не допустили, заслуги его перед Отечеством признавали. Журавлеву было поручено в 1908 году открыть международный судоходный конгресс. Приветственную речь он произнес на чистом французском языке. В ответ председатель конгресса Василий Евгеньевич Тишанов обратил внимание присутствующих, что на стене биржевого зала висит только один портрет — Журавлева, и заметил, что биржевое общество не удостоит никого такой чести не по заслугам. На конгрессе прозвучали слова о его скромности, энергичности, о значении его деятельности не только для российского судоходства, но и для мирового.

Умер Михаил Николаевич 21 июня 1917 года, оставив весь капитал, как всегда и случалось в их роду, двум сыновьям — Александру и Георгию. Но четвертое поколение Журавлевых сразу после революции оказалось не у дел. Михаил Николаевич не увидел ни национализации фабрики и заводов, созданных его трудом деда и отца, ни затопления Абакумова.

После революции у Журавлевых забрали не только фабрику, но даже и личные вещи. «...Подотдел по учету народного имущества при коммунальном отделе Рыбинского совнадепа сообщает, что вещи, принадлежавшие Варваре Журавлевой, распределены... между пролетариатом... К сему добавляется, что Варвара Журавлева есть жена известного в России миллионера, фабриканта, заводчика и эксплуататора большой руки М. Н. Журавлева... известного как близко стоящего к монархизму, т. к. принимал у себя великих князей, с которыми имел тесную связь во всех делах». Между пролетариями распределили даже натальное белье жены Михаила Николаевича.

Неустанный созидательный труд «эксплуаторов большой руки» — трех поколений Журавлевых занял большой временной отрезок — 120 лет. Разорили их хорошо отлаженное, умно построенное хозяйство значительно быстрее — всего за год, а потом и вовсе стерли с лица земли удивительный промышленный городок Абакумово, отправив его на дно рукотворного моря. К счастью, время забвения и раздела натального белья эксплуататоров закончилось. Теперь, как никогда раньше, нам стали необходимы труды таких подвижников краеведения, как Н. А. Петухова. Чтобы решить, как жить дальше, надо еще многое понять из своего прошлого.

Марина ШИМАНСКАЯ.

М. Н. Журавлев, владелец канатной фабрики близ Рыбинска, с молодой женой-англичанкой.

ся больше не стал. Заботясь не только о детях, но и о продолжении своего дела, дал им прекрасное домашнее образование и отправил учиться точным наукам в Англию. Умер в 62 года, оставив нераздельное наследство брату и сыновьям, надеясь, что вести все большое хозяйство они будут в полном согласии, как было в их семье всегда.

Самым способным коммерсантом из третьего поколения Журавлевых оказался Михаил. Он и в Англию отправился с одной целью — получить как можно больше знаний, чтобы направить их на пользу своему Отечеству. Он преуспел не только в точных науках, занимался с учителями музыки и словесности — учился красиво и правильно говорить, выучил английский и французский. В свободное время ходил по театрам и музеям. Все свои впечатления записывал в дневник.

«В Петербурге понравилось заведение, где пили пиво: опрятное, чистое, приветливые люди. Если бы в России побольше было таких заведений, то русский народ мало-помалу привыкал бы к порядку и опрятности, стал во-

райком. Это был какой-то хаос».

Братья были очень экономны, могли отказать себе в покупке чехмодана, потому что за него дорого просили, или отправиться посмотреть Темзу за самую низкую цену.

«Вонь в каютах была невыносимая, кажется, от гнилой рыбы. Чай гадкий, кушанья подавались ужасно грязно и плохо приготовленные, служители все перепачканные и хватающие кушанья грязными руками».

«28 августа были в Сити, очень большая контора, и много народа занимается в ней. Был в конторе Темсон — Бонар, это хотя и гораздо меньше, но, кажется, может дать гораздо больше занятий. Был в нескольких лавках. Во всех так чисто, с покупателями обращаются очень вежливо».

Братья посещают в Англии публичные лекции по физике, химии, знакомятся с крупнейшими банками, изучают торговлю. И конечно — опера, театры, музеи, выставки. Михаил с гордостью отмечает, что русский театр и игра артистов несравнимо лучше на Родине.

В 1886 году Журавлевы ос-